

Глава 47. Невыполненное обещание.

«Я знаю тебя всю жизнь. Это то, что говорит мне мое сердце».

Глаза Сирина расширились, и слова прозвучали в его голове, как эхо.

«Что ты имеешь в виду?» – вопрос был выдвинут искусственно спокойным тоном.

«Я могу показаться безумцем, Сирин, но в тебе есть что-то до боли знакомое, но я не могу понять почему».

Роуэн был настроен торжественно и не смущался своего признания. Сирин без стеснения озвучивал самые откровенные вещи, но это - открыть Роуэну свои сокровенные мысли - было почти непреодолимым препятствием.

«Это звучит безумно», – сказал Сирин. Что происходит? Неужели Роуэн начинает вспоминать?

«Меня преследуют мысли о том, что мы были вместе в другой жизни. Чувствуешь ли ты то же самое?» – спросил антимаг, бесстрашно, несмотря на уязвимость, проявившуюся в напряжении его плеч. Сирин может одним словом сокрушить его. Это было бы ужасно и жестоко, недостойно, но последнее, в чем нуждался мир, это Роуэн, отклонившийся от намеченного пути.

«Нет»

Иногда он бывал туповат, но не был откровенным идиотом. Алхимик заметил в глазах антимага зарождающуюся привязанность, теплоту, которую нельзя было принять за дружбу. Роуэн был настолько прозрачен в своих чувствах, что Сирин не сумел притвориться невеждой.

И если антимаг медленно восстанавливал свои воспоминания, то Сирину следовало убить влюбленность Роуэна еще в зародыше. Это было лучшее решение для блага всего мира и будущего Роуэна, который должен был помнить о своем браке.

Так что одним-единственным словом, которое несло в себе всю тяжесть его отказа, он погасил слабую надежду в сердце Роуэна. К чести антимага, на его лице промелькнуло мимолетное разочарование, но затем оно исчезло.

«Прошу прощения, – Роуэн склонил голову, чтобы не встречаться с холодными глазами Сирина, – я взвалил на тебя свои ожидания».

Антимаг никогда не казался Сирину более одиноким, и это разбило ему сердце.

«Остановись... не надо... не надо делать такое лицо, Роуэн».

Железный ящик, запертый в самых глубинах сознания алхимика, начал трястись, требуя, чтобы его открыли. Сирин давным-давно запер его по той простой причине, которая включала в себя брак Роуэна.

«Разве мне нельзя позволить почувствовать разочарование?» – ответил антимаг, бросив короткий взгляд на Сирина.

Роуэн повернулся спиной к Сирину и отступил на некоторое расстояние. Рядом с блондином лежал бутон все еще не распустившегося фонарика. Протянув к нему руку, он осторожно сорвал бутон.

Сирин укоризненно покосился на небрежное обращение антимага с цветком Эос.

Роуэн погладил закрытые лепестки бутона и несколько мгновений держал его на ладони, давая себе время прочувствовать невозмутимый отказ Сирина.

Когда он смирился с этим, Роуэн протянул бутон Сирина, который - ошеломленный предложением - посмотрел в глаза Роуэну, отказываясь взять его.

«Подарок в честь нашей первой совместной прогулки», - сообщил ему Роуэн.

Первой? Как оптимистично, подумал Сирин. С неохотой он принял цветок, потому что не принять его было бы глупо - как бы он ни боялся гнева Эос.

Никто из них двоих не был готов к тому великолепию, с которым бутон расцвел в руке Сирина. Нежно-желтые лепестки распустились, открывая внутреннюю сердцевину, которая сияла ярким светом.

«Это нормально?» - приглушенным тоном произнес Сирин.

«Нет, - ответил Роуэн, пристально глядя на цветок, - я никогда не видел, чтобы такое случилось».

Сирин ощутил, что стебель словно горит в его руке. Он, демон, прикасается к священному цветку Богини, чей свет был противоположностью тьме его рода.

«Думаю, ты нравишься Эос», - с улыбкой проговорил блондин.

От этой ужасающей мысли Сирин едва не выронил цветок. Эос никак не могла испытывать ничего, кроме ненависти к такому как он.

«Неосторожные слова порождают разочарование», - Сирин пихнул цветок обратно Роуэну, ударив тем самым антимага в грудь. При этом более высокий мальчик поймал его руку и не хотел отпустить. Это привело к тому, что двое уставились друг на друга.

Ответ Сирина вызвал у антимага приступ разочарования. С еще большим жаром он потребовал немного правды, которую Сирин пытался заглушить.

«Чего ты так боишься?!»

Ни один из них не обращал на цветок достаточно внимания, чтобы заметить, как его свет пульсирует в центре их спутанных пальцев.

«Я боюсь, что ты неправильно поймешь мою добрую волю, - огрызнулся Сирин, и это укололо антимага, - что, по-твоему, ты делаешь, Роуэн? Твои чувства настолько очевидны на твоём лице, что даже ребенок может разглядеть тебя насквозь. Разве ты не должен быть героем Эос?»

Мир нуждается в том, чтобы ты снова стал спасителем. Объединись с Лиллит, чтобы ее сила усилила твою, и ты смог стать тем самым отважным золотым мальчиком, который режет демонов, как горячий нож масло.

«Ты очень жестокий, Сирин», - мягко ответил Роуэн, опустив плечи в знак поражения.

Да, он был жесток, но Роуэн позже поблагодарит его за это. Сирин не мог позволить себе

сдаться и притвориться, что он уже не умирал однажды. Если Траксдарту позволят бесконтрольно и безудержно творить бесчинства, Сирина, возможно, придется умереть снова. На этот раз он надеялся избежать такой участи. Роуэн должен был быть в отличной форме, чтобы противостоять безумному императору.

«И что из этого?» – спросил Сирин холоднее, чем хотел.

«Я не знаю, – Роуэн провел рукой по своим золотым волосам, – ты перевернул мой мир с ног на голову и совершенно не знаешь об этом».

Роуэн продолжал бы жить своей жизнью, позволяя судьбе вести его, куда ей вздумается. Он был доволен тем, что дрейфует к будущему, которое ему наметили – с неизвестной жрицей, которая завладеет его сердцем и телом. Но Сирин появился из ниоткуда, как ураган, и разорвал нити событий, которые были тщательно проложены для Роуэна. Теперь у него были свои собственные эгоистичные надежды, четкие цели, желания – и все это было связано с Сирином.

«Чего ты на самом деле хочешь от меня, Роуэн? Почему ты говоришь мне эти вещи?»

Железный ящик сильно сопротивлялся. Сирин проклял его и потребовал, чтобы он оставался закрытым.

Антимаг сделал шаг вперед и встал перед Сирином.

«Я надеялся на результат, который удовлетворит вопросы, к которым стремится мое сердце, что ты скажешь мне правду. Я знаю, что ты лжешь, Сирин, но если ты этого хочешь, то я сделаю вид, что это правда».

Перед лицом доброты Роуэна алхимик заколебался, желая сократить расстояние между ними и сделать все хорошо. Роуэну было больно, и сейчас Сирин был уверен, что его старый друг где-то там.

« Я..., – цепи на железном ящике заскрипели под напором голубых глаз, которые не имели права смотреть так затравленно, – ты прав. Я солгал»

«О чем?» – Роуэн тут же отреагировал, наклонившись вперед к Сирину – так близко, что он мог различить отдельные точки, где начинались ресницы Роуэна. Почему Роуэн не может просто зализать свои раны и отвалить? рычал внутренний голос Сирина.

«Разве это имеет значение?»

«Да»

Сирин не в силах это сделать.

«Ты хочешь, чтобы я признался, что всегда знал, как тебе нравятся мои зелья? Или что твой стиль боя был мне знаком? Или что я знаю, насколько ты мягкий человек под этой грубой силой антимага, которую ты любишь демонстрировать? Что я пришел сюда с тобой, потому что увидел, что ты расстроился? Потому что все это неправда!» – Сирин начал тираду, которая заткнула рот его друга.

«Ничего из этого! Забери свой дурацкий цветок и засунь его туда, где не светит солнце. Чертовы тупые антимаги, которые не знают, когда нужно заткнуться! Ты все испортил!»

Сирин заглянул в железный ящик, и его взору предстало семя, которое поспешно закопали, пока оно не успело прорасти. Роуэн как был, так и продолжал оставаться под запретом. Теперь, когда случилось невозможное, алхимик был вынужден встретиться со своими похороненными чувствами. Отрицание больше не было броней, которую он мог носить.

«Что испортил? - потребовал Роуэн. - Ты можешь перестать говорить загадками??»

Сирин о нем беспокоится. Роуэн держал это признание близко к сердцу, но воздержался от того, чтобы спросить об этом непостоянного мага.

«Нет, не могу, ты, надоедливый светловолосый болван. Если ты не можешь вспомнить сам, то я не могу тебе рассказать».

«Почему?»

«Потому что..., - не было причин, по которым он не мог рассказать Роуэну, - ты сам вспомнишь».

У Сирина не хватало смелости объяснить последовательность событий, начавшихся с его перевоплощения в жестокого повелителя демонов.

«А если этого не произойдет?» - спросил Роуэн, нетерпение сквозило в каждом его слове.

Голос, вызывающий головную боль, который он слышал, был не просто его сумасшествием. Ответы Сирина намекали на что-то, на какую-то связь между ними, которую Роуэн не мог вспомнить. Ему снова напомнили, что он должен выполнить обещание, но перед кем? Неужели перед Сирином?

«Обязательно произойдет»

Рыжий вспомнил, и Роуэн частично вспомнил. Что все это значило? Вспомнят ли все?

«Тогда ответ вот на что: какова была природа наших отношений?»

Сердце Сирина болело за Роуэна. Мир был несправедлив. Он был лишь инструментом и побочным персонажем в эпопее Роуэна. Возможно, он получил второй шанс на жизнь, чтобы подготовить Роуэна к назначенному времени. Алхимик приготовился к сердечной боли, которую ему придется пережить ради их будущего.

<http://bllate.org/book/14251/1259495>